

УДК 122/129

DOI 10.23683/2227-8656.2018.5.7

**ИЗОБРЕТЕНИЕ
И РЕКОНСТРУКЦИЯ
ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ
ОБЩЕСТВАХ**

**THE INVENTION
AND RECONSTRUCTION
OF TRADITIONS
IN MODERN
SOCIETIES**

Свистунов Андрей Владимирович

Научный сотрудник,
Южнороссийский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: urfranrostov@gmail.com

Andrey V. Svistunov

Researcher,
South Russian Branch
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: urfranrostov@gmail.com

Статья посвящена анализу феномена традиции и форм его существования в современных обществах. Рассматриваются наиболее значимые подходы к пониманию традиции, прослеживается динамика представлений о роли традиций в современных обществах. Показано, что в современных обществах традиция может существовать в трех основных формах – реальной сохранившейся традиции, а также традиции изобретенной и реконструированной. Отмечается сложность четкого различения реальных и изобретенных традиций. Автор полагает, что существование традиции в современных обществах представляет собой постоянный процесс её конструирования – как часть общего конструирования социальной реальности.

The article analyzes the phenomenon of tradition and its forms of existence in modern societies. The article considers the most significant approaches to understand traditions, traces the dynamics of ideas about the role of traditions in modern societies. It is shown that in modern societies tradition exists in three main forms – the real preserved tradition, as well as the invented and reconstructed traditions. The complexity of a clear distinction between real and invented traditions is noted. The author believes that the existence of tradition in modern societies is a constant process of its construction – as part of the General construction of social reality.

Ключевые слова: традиция; традиционализм; модернизация; коллективная идентичность; национализм; секуляризация; изобретение традиций; культура; идеология.

Keywords: tradition; traditionalism; modernization; collective identity; nationalism; secularization; invention of traditions; culture; ideology.

Традиция в социально-гуманитарном знании

Понятие «традиция» имеет долгую историю. Оно восходит к латинскому *traditio* («передача»), хотя существуют и иные варианты этимологии. Несмотря на то что термин «традиция» широко употребляется в различных гуманитарных и общественных науках (антропология, социология, философия и т.д.), не существует какой-либо теории традиции, как отмечал еще Е. Шацкий (Шацкий, 1990. С. 209).

Э. Шилз, один из наиболее известных исследователей традиции, отмечал, что в современной социологии практически нет анализа феномена традиции и механизмов её функционирования, что и обусловило обращение самого Шилза к этой проблеме. Он определял традицию следующим образом: «Традиции представляют собой верования, стандарты и правила, вербализированные в большей или меньшей мере, но никогда полностью, унаследованные от предыдущих поколений в результате процесса непрерывной трансмиссии от поколения к поколению» (Шилз, 1998. С. 240–245).

Ш. Эйзенштадт отмечает: «Несмотря на все более широкое употребление понятия “традиция”, оно не получило сколько-нибудь ясного определения. В различных исследованиях (а иногда в работах одного и того же ученого) традиция обозначает многие различные аспекты социальной структуры, поведения индивидов, верований и культурных представлений. Это понятие также обозначает и способы легитимации социополитического порядка, и общие способы восприятия социальной и культурной реальности, и принципы устройства крупных социальных и политических систем» (Эйзенштадт).

В философском и научном дискурсе не существует общепринятого и универсального определения традиции, однако очевидна связь этого понятия с прошлым, культурным опытом, передающимся из поколения в поколение. При этом термин «традиция» может относиться как к передаваемому культурному содержанию, так и к самому процессу передачи. При отсутствии общепринятого определения термин «традиция» несет значительную ценностную и эмоциональную нагрузку, причем это относится к употреблению этого термина как в быденном языке, так зачастую и в философском и научном дискурсе. Для одних этот термин однозначно позитивен, означает историческое

наследие, корни того или иного народа. Для других – это синоним темного прошлого, то, что необходимо преодолеть ради успешного развития. Очевидно, что обе позиции связаны со специфической ситуацией модерна, формирование которой предполагало и отталкивание от прошлого, и одновременно открытие самого прошлого как феномена, как философской и научной проблемы.

Эпоха модерна мыслила себя в противопоставлении традиции, противопоставлении прошлому. В то же время модерн с его радикальными и культурными изменениями породил и специфическую тоску по утраченному прошлому, что было характерно для таких течений мысли, как консерватизм и романтизм. Обращение к историческому прошлому и традиции стало важнейшей частью формирующегося национализма, поскольку рождающиеся нации нуждались в общих символах, истории и национальных героях. Научный анализ становления национализма и наций появился гораздо позже и внес значимый вклад в понимание и самой традиции, и механизмов её функционирования в современных обществах. К этому вопросу мы вернемся чуть позже.

С развитием культурной антропологии (социальной антропологии, этнографии), связанным с экономической, политической и культурной экспансией западных обществ, феномен традиции предстал перед исследователями как живая реальность, а не культурное наследие, что также способствовало пониманию сущности традиции, её ответственности и изменчивости.

В социологии термин «традиция» стал широко употребительным благодаря работам М. Вебера о типах господства, среди которых был выделен традиционный. Вебер показывает, что воспринимаемая в качестве священной традиция может служить одним из способов легитимации власти, а также и самого социального порядка, элементом которого выступает власть. Легитимирующая функция – лишь одна из возможных функций, которые традиция выполняла в обществах прошлого и выполняет сегодня, хотя на ранних стадиях развития социологии актуальность традиции если и признавалась, то в негативном смысле.

В социологии первой половины XX в. (под влиянием Вебера) термин «традиция» стал основанием для типологизации обществ. Выделялись общества традиционные и индустриальные, или современные, при этом с традиционным типом общества соотносился целый ряд характеристик, разделяемых разными в культурном плане обществами, что несколько противоречило пониманию традиции как чего-

то уникального, характерного для определенной общности. Шилз отмечал: «Термин “традиционный” используется для обозначения целых обществ, подверженных относительно медленным переменам, или же обществ, которым присуща тенденция легитимации деятельности через ссылку на то, что она уже имела место в прошлом. Практически все существующие макросоциологические классификации обществ основаны так или иначе на различии между традиционными или нетрадиционными, или современными, типами» (Федотова, 2014. С. 82). При этом понятие традиции, как правило, тщательно не прорабатывалось. Хотя само по себе противопоставление традиционных и современных обществ имело значительный эвристический потенциал, оно давало больше для понимания тенденций социальной эволюции, чем для понимания самого феномена традиции.

Изобретение и реконструкция как основные формы традиции

Противопоставление традиционных и современных обществ было востребовано многими теориями эволюционного социального развития, оно стало исходным пунктом и для концепции модернизации – доминирующего в XX в. теоретического подхода к пониманию социальных изменений. Однако во второй половине XX в. было осознано, что подобное противопоставление имеет упрощенный характер, а сама традиция предстала скорее как смысловой конструкт, чем как элемент реальности.

Понимание традиции, свойственное эволюционистским концепциям социального развития, было пересмотрено благодаря работам Э. Шилза. Он рассматривает традицию как живого посредника между прошлым и будущим, способного оказывать влияние на настоящее. Шилз не считал, что в современном обществе традиция исчезает (следовательно, жесткое противопоставление традиции и современности не совсем соответствует реальности). Скорее изменяются формы её существования. Однако Шилз отмечал, что традиция способна замедлять темп социального развития, хотя и не исключает его полностью.

Как отмечает П. Штомпка, «любая традиция, независимо от ее содержания, может сдерживать творчество или новации, предлагая готовые рецепты для решения современных проблем. Между тем попытки заменить поиск новых путей возвратом к старым, испытанным, надежным методам чаще всего влекут за собой стагнацию» (Штомпка).

С работами Шилза и более поздними работами С. Эйзенштадта и ряда других исследователей связано представление об активности тра-

диции в современных обществах. Традиция не является только лишь достоянием прошлого, она продолжает оказывать влияние на современность. Однако это влияние отнюдь не всегда позитивно и конструктивно. С действием традиций, согласно новым концепциям социального развития, могут быть связаны неудачи и срывы модернизационного процесса за пределами западного мира, а в ряде случаев и внутри него. Именно традиция, по мнению Эйзенштадта, могла быть «ответственной» за реализацию проекта модерна. С осознанием значения традиции связана и концепция множественности модерна (Агаджанян, 2012), в основе которой лежат отказ от видения западной модернизации как универсальной и осознание множества путей к современности.

Эйзенштадт пишет: «Насколько бы велик ни был контраст между традиционным и современным обществами, успешная модернизация может быть проведена при опоре на некоторые элементы традиционной регуляции, отвечающие ее направленности. Это означает и то, что устойчивое функционирование современного общества в большой степени зависит от наличия соответствующих традиционных предпосылок, от их использования и включения в современную систему» (Эйзенштадт).

В современных обществах традиция может присутствовать в разных формах. Однако применительно к современным обществам возникает специфическая проблема – поиск настоящей традиции и определение того, что считать настоящей традицией.

Например, для современного российского общества традиционными являются 8 Марта и Новый год. Однако оба праздника – совсем недавние, они были изобретены и внедрены в советский период. В то же время такие традиционные христианские праздники, как Пасха или Рождество, для российского общества оказываются практически новыми, поскольку в советский период их официально не существовало, и лишь немногие верующие отмечали их в частном порядке. Возникает закономерный вопрос: какие из этих праздников традиционные для российского общества? Такой же вопрос может быть задан по отношению к очень многим элементам современной культуры, понимаемым массовым сознанием как традиционные. На самом деле очень часто невозможно определить хронологические рамки, придающие тому или иному элементу культуры традиционный характер. Но этот вопрос имеет фундаментальный характер для национального самосознания и коллективной идентичности.

Выше мы отмечали, что традиция была востребована формирующимися нациями на раннем этапе модернизации западных обществ.

Новые политические сообщества – нации – конструировали свою идентичность, и фундаментом для этого конструирования были история и традиция. С развитием национализма связан подъем интереса к исследованию народной культуры, фольклора как хранилища традиций того или иного народа. Нации нуждались в национальных символах, эти символы обретались в прошлом, новые ритуалы, связанные с этими символами, постепенно превращались в традиционные, хотя изначально таковыми не являлись.

Таким образом, одной из форм существования традиции в современном обществе является её изобретение или же реконструкция.

Одним из первых проблему изобретения традиций поставил Э. Хобсбаум: «“Изобретенная традиция” – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом. Яркий пример – сознательный выбор готического стиля при перестройке здания британского парламента в XIX веке или принятое после Второй мировой войны не менее сознательное решение восстановить зал заседаний парламента в основном в соответствии с его прежним планом... Специфика “изобретенных традиций” заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивная. Говоря коротко, эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой» (Хобсбаум, 2000. С. 48).

Процесс изобретения традиций, начавшись в связи с формированием европейских наций, распространился в западных обществах на многие сферы социальной жизни, не ограничиваясь политикой. Так, начиная с XIX в. можно говорить о возникновении такого культурного феномена, как традиционализм, которому была суждена долгая жизнь, он существует и развивается до сих пор. Восходящий к творчеству оккультиста и эзотерика Р. Генона традиционализм как религиозно-философское течение мистифицировал традицию, понимая под ней некое скрытое древнее знание, утраченное при развитии науки и цивилизации. Это синтетическое цельное знание, которое способно обеспечить знающему религиозное спасение.

Традиционализм был порождением романтической тоски по идеализированному прошлому, проявлявшейся во многих культурных фено-

менах. В XX в. некоторые варианты традиционализма приобрели политическое измерение, превратившись в идеологии, правда, маргинальные.

Широкое пространство для изобретения и реконструкции традиции предоставляло поле религии. Важным элементом модернизации была секуляризация, заключающаяся в вытеснении религии на периферию социальной и культурной жизни, что устраивало не всех. Ответом на ослабление религиозных организаций стал рост фундаментализма среди протестантов, а потом и среди католиков, сопровождавшийся возвращением к основам, т.е. реконструкцией традиций. С другой стороны, активизировались внеконфессиональные религиозные поиски, часто сопровождавшиеся не реконструкцией, а изобретением традиций, например языческих. Процесс реконструкции и изобретения язычества продолжается и сегодня, поскольку развитие технологической цивилизации стимулирует тоску не только об утраченном прошлом, но и о первозданной природе, естественности, и идеализированное представление о язычестве оказывается созвучным этим настроениям. Поскольку от ритуальных практик и систем верований реального древнего язычества уцелело крайне мало, неоязычникам приходится создавать традицию на основе собственной фантазии.

Перцепция традиции в современном российском обществе

На исходе XX и в начале XXI в. изобретение и реконструкция традиций приобрели новую актуальность в связи с распадом СССР и реструктуризацией мирового порядка в целом. У множества новых государств и этнических общностей возникла необходимость в выработке новых коллективных идентичностей и новых идеологий. Новые коллективные идентичности и новые идеологии формируются на основе определенным образом истолкованной истории и формирования новых национальных и этнических мифологий и традиций, подчеркивающих значимость той или иной группы и позволяющих ей поддерживать свою специфику путем противопоставления другим (Скворцов, 2016).

Новые версии исторического прошлого позволяют тем или иным народам ощутить свою историческую значимость, которой они были, по их мнению, лишены в предыдущих версиях истории. Подобные процессы наблюдаются на всем постсоветском пространстве и на территории стран бывшего социалистического лагеря.

Пересмотр собственного прошлого, его переоценка и новая интерпретация приводят к войнам за историю, войнам памяти, имеющим не только культурно-символическое, но и политическое измерение. Превращение бывших союзников и даже сограждан в вечных врагов,

попытки представить довольно значительные отрезки собственной истории исключительно в черных тонах, дополненные желанием повысить свою значимость мифологизацией прошлого, – все это придает новое измерение межнациональным отношениям в современном мире. Подобные проблемы характерны не только для бывших социалистических обществ, но практически для всех стран, вовлеченных в процесс догоняющего модернизационного развития.

В российском обществе, которое также переживает кризис идентичности после распада СССР, можно наблюдать многообразие практик, связанных с традицией. Это изобретение традиций, реконструкция традиций и возвращение к традиции. Сущность первых двух практик довольно очевидна, но с третьей дело обстоит несколько сложнее. Если речь идет о реальной традиции, то предполагается, что процесс трансмиссии культурного опыта не прерывается, поэтому нет необходимости в возвращении. Если же традиция прервалась и стала культурным наследием, то возвращение к такой «прервавшейся» традиции – это её реконструкция. Таким образом, термин «возвращение к традиции» не имеет смысла.

Процесс реконструкции традиции может выступать в качестве одного из проявлений архаизации общества, возрождения верований и практик, оставшихся, казалось бы, в далеком прошлом. Для современного российского общества архаизация представляет собой довольно значимую проблему. Её проявления заметны, например, в некоторых формах религиозности, а также в сфере политики (Матецкая, 2015). Но реконструкция традиций не всегда связана с архаизацией.

Большая часть заметных и общезначимых традиций в современном российском обществе – это именно реконструированные традиции, если не изобретенные, причем в качестве основы для этих сконструированных практик используется как советское, так и досоветское культурное наследие. Но это не означает, что в российском обществе не сохранилось реальных традиционных практик. Однако такие практики часто локальны и незаметны, поскольку являются естественной частью мира повседневности их носителей. Очевидно, что подобные традиции сохраняются прежде всего там, где имеет место длительное проживание какой-то группы на определенной территории. Высокая пространственная мобильность населения и его культурная гетерогенность не благоприятствуют сохранению традиции, зато создают предпосылки для конструирования традиций в качестве основы для новых формирующихся сообществ людей, утративших корни.

Заключение

Таким образом, традиция является важной частью жизни современных обществ – и не только в качестве сохраняющегося элемента культуры, но и как элемент процесса конструирования социальной реальности и коллективных идентичностей, поиска самоопределения не только небольших сообществ, но и наций. Интерес к традиции естественным образом возрастает в ситуациях быстрых социальных изменений и кризиса коллективных идентичностей.

Литература

Агаджанян А.С. «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и незыблемость секулярного модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30).

Матецкая А.В. Проблема архаизации постсоветской культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. Т. 208. С. 38–46.

Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7.

Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 80–91.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. 456 с.

Шилз Э. О содержании термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 240–245.

Штомпка П. Социология социальных изменений. Режим доступа: http://business.polbu.ru/sztompka_sociology/ch23_iii.html.

Эйзенштадт С. О неопределенности термина «традиция». Режим доступа: URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/38.php.

References

Agadzhanyan, A.S. (2012). “Multiple modernity”, Russian “damned questions” and the inviolability of secular modern art. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 1 (30). (in Russian).

Matetskaya, A.V. (2015). The problem of archaization of post-soviet culture. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 208, 38-46. (in Russian).

Skvortsov, N.G., Vereshchagina, A.V., Samygin, S.I. (2016). “Russian world” in the sociological discourse on civilizational security and national identity in Russia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 6-7. (in Russian).

Fedotova, V.G. (2014). Modernization and tradition. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 80-91. (in Russian).

Khobsbaum, E. (2000). The invention of tradition. *Vestnik Evrazii*, 1, 47-62. (in Russian).

Shatskiy, E. (1990). Utopia and tradition. Moscow.

Shilz, E. (1998). On the content of the term «tradition». *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya*. In Erasov, B.S. (Ed.). Moscow, 240-245.

Shtompka, P. Sociology of social change. Available at: http://business.polbu.ru/sztompka_sociology/ch23_iii.html.

Eyzenstadt, S. On the uncertainty of the term «tradition». Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/38.php.

Поступила в редакцию

17 августа 2018 г.